

гарантирующие соблюдение прав лиц не только официальными властями и силовыми структурами государства, но также и противостоящими им антиправительственными силами или силами оппозиции. Обязанность государств соблюдать ряд основных прав человека в любых ситуациях, включая периоды вооруженных конфликтов, подтверждалась в резолюциях Генеральной Ассамблеи ООН. Так, в резолюции 2675 (XXV) от 9 декабря 1970 г. отмечено, что основные права человека в том виде, как они признаны в международном праве и изложены в международных документах, продолжают полностью применяться в ситуациях вооруженного конфликта.

Таким образом, сфера применения МГП и МППЧ разграничивается. Первое применяется только в случае вооруженного конфликта, а второе – как в мирное, так и в военное время.

МГП и МППЧ самостоятельные отрасли международного права, позитивно взаимодействуют друг с другом в современном мире.

МГП в условиях вооруженного конфликта ограничительно трактует, например, право на жизнь, распространяя его только на покровительствуемых лиц: раненых, больных, военнопленных, гражданское население, и не применяя к комбатантам, которые имеют право на физическое уничтожение комбатантов противоборствующей стороны.

МППЧ имеет своих субъектов (индивиды, государства), объект регулирования (права человека и обязанности государств по их реализации), современную, преимущественно кодифицированную, нормативную базу, механизм обеспечения как на международном, так и на национальном уровнях.

УДК 341.123 + 341.485:327

О.С. Бочарова, Н. Кремич

ГУМАНИТАРНАЯ ИНТЕРВЕНЦИЯ И КУЛЬТУРНЫЙ ГЕНОЦИД НА ПРИМЕРЕ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ ФЕДЕРАТИВНОЙ РЕСПУБЛИКИ ЮГОСЛАВИИ

10 декабря 2023 г. исполнилось 75 лет Всеобщей декларации прав человека, провозгласившей универсальность, неделимость, взаимозависимость присущих каждому человеку гражданских, культурных, экономических, политических и социальных прав, а днем ранее, 9 декабря, также 75 лет исполнилось со дня принятия Конвенции ООН о предупреждении преступления геноцида и наказании за него. Понятие геноцида

неоднозначно толкуется различными государствами в толковании норм международного гуманитарного права и встает вопрос о законности применения «гуманитарной интервенции», сопровождаемой военным вмешательством. Гуманитарная интервенция в ее классическом понимании преследует цель предотвращения гуманитарной катастрофы и геноцида населения на территории иностранного государства, однако под воздействием политических мотивов отдельных государств становится инструментом передела сфер влияния. Концепция гуманитарной интервенции основывается на идее приоритета прав личности над интересами социума и правами государства. Впервые эта идея была сформулирована профессором международного права Парижского университета Марио Беттати и основателем движения «Врачи без границ» Бернаром Кушнером в книге «Обязанность вмешиваться» (1987) и подразумевала права и обязанности международного сообщества вмешиваться, невзирая на суверенитет, в дела других государств с целью «защиты прав человека». Идея «гуманитарной интервенции» впервые использовалась для обоснования бомбардировок Югославии авиацией стран НАТО (1999) под предлогом защиты косовских албанцев, несмотря на отсутствие мандата ООН. На практике она означала переход Запада к новому формату вооруженного вмешательства. Так, Североатлантический Альянс действовал в обход Совета Безопасности ООН, поскольку Россия была против насильственных действий в отношении Сербии и использовала бы право вето. Действия НАТО были нелегитимны и представляли собой агрессию Запада против маленькой страны. Причиной стал межэтнический конфликт между албанцами, исторически проживавшими в Косово, и сербами, а официальным поводом начала военных действий со стороны НАТО было объявлено присутствие сербских войск на территории края Косово и Метохия. Сербские власти также были обвинены в «этнических чистках». Политическим результатом стал KFOR, международные силы под руководством НАТО, отвечающие за обеспечение стабильности в Косове и Метохии. В 2008 г. Косово провозгласило независимость от Сербии, что вызвало неоднозначную реакцию в мировом сообществе, новая Республика Косово остается частично признанным государством, а два из пяти постоянных членов Совета Безопасности ООН – Россия и Китай – не признают самопровозглашенной независимости Косово, что не позволяет ему стать полноценным членом ООН. Гуманитарная интервенция в Косово продемонстрировала рост разногласий между государствами по вопросу нарушения суверенитета государств во имя «свободного мира», а последствия такого «гуманитарного» военного вмешательства имеют все признаки геноцида.

И здесь следует остановиться на феномене «культурный геноцид», который можно определить как уничтожение культуры и системы ценностей этноса. 3 марта 1948 г. в ЭКОСОС ООН состоялось первое слушание рабочего варианта Конвенции о геноциде, на котором большинством голосов из текста был убран «культурный геноцид».

Культурный геноцид как термин был введен социологами во второй половине XX в. и используется для обозначения современных социокультурных условий, когда искусственно стираются национальные и культурные границы, запрещается или ограничивается обучение на родном языке, репрессиям подвергаются представители национальной интеллигенции, уничтожаются памятники культуры и культовые сооружения. Целью такой политики может являться ассимиляция национальных меньшинств, истребление национального самосознания, а действия, осуществленные с целью уничтожения культуры какого-либо народа или этнической группы называются национально-культурным геноцидом.

По Рафаэлю Лемкину, геноцид – это не только физическое уничтожение национальной или религиозной группы, но и уничтожение ее национально-духовной культуры. Понятие «национально-культурного геноцида» не вошло в Конвенцию о геноциде, хотя представитель СССР настаивал на его запрещении. Многие исследователи считают, что понятие «национально-культурный геноцид» или же «культурный геноцид» должно быть включено в более широкое определение преступления геноцида. Запрет на употребление родного языка (лингвицид) следует квалифицировать как геноцид; уничтожение культурных ценностей – памятников, библиотек, архивов, музеев, художественных галерей, разрушение, осквернение и поругание храмов и физическое уничтожение представителей духовенства также необходимо квалифицировать как геноцид. Абсолютно верно, что уничтожение культурных ценностей никоим образом нельзя сопоставить с физическим уничтожением людей, однако история показывает, насколько эти два акта взаимосвязаны: культурный компонент сохраняет свою актуальность в качестве свидетельствующего элемента о намерении уничтожить группу. Сегодня, как и в свое время, убеждение Лемкина о том, что уничтожение культуры служит признаком возможного физического истребления, как никогда актуально.

Так, по факту «гуманитарной интервенции» в Сербии, по данным Министерства по делам Косово и Метохии, начиная с 1999 г. было уничтожено, повреждено и осквернено около 150 церквей и монастырей и других сакральных объектов, из которых 61 имеют статус памятников культуры. 18 из них имеют особое значение для государства Сербии.

По приблизительным данным, уничтожено и украдено более 10 тысяч икон, произведений церковного искусства и предметов богослужебной утвари, многие из которых перекочевали на нелегальные рынки антиквариата. В 1999 г., еще до начала агрессии НАТО, в монастыре Святой Троицы в Косово, который был основан в XIV в., подвизались восемь монахинь. В июне 1999 г. после подписания Кумановских соглашений сербские армия и полиция покинули Край, а со стороны Албании сюда хлынули боевики Армии освобождения Косова (УСК), развернувшие террор в отношении сербского населения и его святынь. Нападение на обитель могло произойти в любой момент. 12 июня 1999 г. в монастыре была совершена последняя Божественная литургия. Сестры причастились и по благословию своего епископа были эвакуированы в монастырь Грачаницу, успев забрать святые мощи и антиминос. В тот же день сербское население села Мушучиште покинуло родной край, спасая свои жизни. Вскоре албанские боевики сожгли село вместе с древним храмом Богородицы Одигитрии (XIV в.), а затем разгромили и монастырь Святой Троицы. Монастырский храм был взорван. Предпринимавшиеся на протяжении 12 лет попытки посетить поруганную святыню были связаны с опасностью. Сейчас обитель все еще лежит в руинах.

Храм Святой Троицы в центре Джаковицы, с тремя куполами, албанцы несколько раз взрывали, а в 2007 г. строительной техникой убрали из церковного двора все обломки храма до последнего камня. На месте церкви они разбили парк с памятником матери Терезе. KFOR и UNMIK (Миссия ООН по делам временной администрации в Косове) ничего не сделали, чтобы защитить сербскую святыню, хотя их нахождение в Крае было результатом «гуманитарной интервенции».

Сегодня под охраной косовской полиции находятся всего 24 сербских церкви и монастыря, а также памятник на Газиместане (Косово поле), а KFOR охраняет только монастырь Высокие Дечаны.

Мы убеждены в необходимости дальнейшей разработки концептуальных положений, связанных с проблемой культурного геноцида, который нашел лишь частичную квалификацию в Конвенции о геноциде 1948 г. и закрепленный изначально в ней узкий объем объекта геноцида с учетом новых обстоятельств современности должен быть расширен. «Гуманитарная интервенция», которая в своих отдельных проявлениях пресечения массовых и грубых нарушений прав человека может носить все признаки классического геноцида, также нуждается в переосмыслении. Примером тому может послужить новый виток эскалации на севере Косово, который продолжается и сейчас.